

Глава 6

Новые гонения и Церковь в годы политического застоя

Феодосий (Погорский)

22 марта 1960 года на Пензенскую кафедру был определен епископ **Феодосий (Дмитрий Михайлович Погорский)**, которому предстояло сыграть выдающуюся роль в противостоянии государственной машине, шаг за шагом отвоевывающей у Пензенской Церкви ее позиции. Такое обстоятельство обязывало бы подробнее остановиться на биографии этого иерарха. Однако в связи с тем, что в наших планах подготовить отдельную книгу о архиепископе Феодосии, чему способствуют и сохранившиеся его личные дневники, написанные за время пребывания его в Пензе, мы вынуждены ограничиться кратким пересказом его биографии, напечатанной в “Журнале Московской Патриархии”, а также самыми общими характеристиками его деятельности по управлению Пензенской епархией.

Родился архиепископ Феодосий 19 октября 1909 года в с. Брусилове Киевской губернии. В 1928 году посвятил себя служению Церкви Христовой в качестве псаломщика и регента, но бурные 30-е годы помешали ему продолжить то, о чем мечтал с детства, воспитываясь в семье священнослужителя. Лишь 12 лет спустя с момента ухода на государственную службу смог Дмитрий Михайлович исполнить свое заветное желание – стать священником: в 1942 году состоялось его рукоположение во иерея. К этому времени он уже получил высшее светское образование, заочно окончив Московский плановый институт. Вся его дальнейшая биография неразрывно связана с Церковью. После 15-летнего пастырского служения в храмах Киева, Чернигова и Ленинграда протоиерей Димитрий Погорский принимает решение стать монахом. Это случилось на следующий год после окончания им заочно Ленинградской духовной

академии: в 1957 году он был пострижен в монашество и наречен Феодосием. Тогда же его возвели в сан архимандрита и назначили ректором Саратовской духовной семинарии. Умудренный жизненным и пастырским опытом, полный сил и энергии, окунулся только что назначенный ректор в новое для себя дело. Но лишь только один учебный год пришлось ему возглавлять учебное заведение: 22 июня 1958 года состоялась хиротония архимандрита Феодосия во епископа Калининского и Кашинского. Менее чем через два года епископ Феодосий был перемещен на Пензенскую кафедру.

Уже вскоре он дал почувствовать пензенскому уполномоченному, что не собирается, как прежний архиерей, смотреть ему в рот. У епископа Феодосия было свое видение архиерейского служения, которое он хорошо выразил при наречении его во епископа: “Я глубоко верю, – сказал он, – что не от воли человеческой зависит жребий людей, но Сам Господь устрояет пути их, и что, по словам апостола, “любящим Бога вся спешествуют во благое” (Рим. 8, 28). Отсюда и следовало его бесстрашие в отстаивании интересов Церкви, которым была подчинена вся жизнь архиерея: препоручи себя полностью Промыслу Божию, подчини все свои помыслы Богу, и Господь не оставит тебя.

В отчете за 1960 год уполномоченный С. С. Попов дает характеристику епископу Феодосию, свидетельствующую, что уже с самых первых дней Преосвященный всерьез взялся за наведение порядка в епархии: “С апреля 1960 года Пензенскую епархию возглавляет новый епископ Феодосий (Погорский Д. М.). За время нахождения в Пензе Феодосий проявил себя как активный церковник, стремящийся всеми мерами укрепить положение и состояние церквей в области.

Особое внимание Феодосий обращает на укрепление кадров духовенства. По его мнению, церкви Пензенской области в вопросе кадров духовенства находятся в тяжелом состоянии. Большая часть духовенства церковью области является престарелыми людьми, имея возраст от 60 лет и старше. Среди духовенства только 3 служителя культа имеют возраст до 40 лет. Это обстоятельство вызывает беспокойство у епископа Феодосия. Он считает необходимым заменить старых по возрасту священнослужителей, или, как он их называет, “полутрупов”, более молодыми по возрасту служителями культов.

В этих целях он многократно просил разрешения пригласить для службы в церквях области молодых священников из других епархий или разрешить посвятить в духовный сан лиц молодого возраста. Эти просьбы Феодосия под благовидным предлогом были отклонены, так как пополни-

Архиепископ Феодосий (Погорский)

ние кадров служителей культа за счет молодого духовенства безусловно привело бы к активизации деятельности церквей в области.

Епископ Феодосий тщательно изучает личные дела духовенства, требует подтверждения официальными документами анкетных данных и обязывает благочинных писать характеристики на духовенство подчиненных им приходов. Проведением этого мероприятия он, по-видимому, намерен выявить и удалить нелояльных к церкви лиц из числа духовенства.

Епископ Феодосий всемерно поощряет, а в ряде случаев прямо обязывает духовенство церквей произносить проповеди на каждой церковной службе. Ранее, например, в Мироносицкой церкви г. Пензы почти не произносились проповеди духовенством. В настоящее время при каждом богослужении в церкви духовенством произносятся проповеди. Он сам лично довольно часто произносит во время богослужений проповеди, которые длятся до часа и более. Произносимые духовенством в церквях проповеди касаются религиозной тематики, например: связаны с отмечающейся памятью того или иного святого в день богослужения. Тем не менее проповедничество духовенства следует рассматривать как одну из форм религиозной агитации, имеющей цель укрепить религиозные чувства верующих и ослабить воздействие на них атеистической пропаганды.

Епископ Феодосий часто проводит торжественные богослужения в Мироносицкой церкви г. Пензы, в которых участвуют до 13 служителей культа и два певчих хора в количестве 40 человек. Усиление проповедничества, проведение торжественных служб способствует увеличению посещаемости церквей верующими.

Феодосий активно вмешивается в дела церквей, где он придерживается мнения, что хозяином церкви должен быть настоятель церкви, так как по “Положению о Русской Православной Церкви” он де является председателем церковного совета. Такого же мнения он придерживается и в вопросах управления епархией. Ранее существовавший епархиальный совет фактически распущен. По этому вопросу он заявил: “Епархиальный совет совершенно не обязателен при епископе, и я не намерен при решении вопросов прибегать к его услугам”. Он стремится быть единственным распорядителем в делах епархии.

Активность, проявляемая Феодосием в проведении мероприятий по укреплению церкви, встречает поддержку со стороны части духовенства. Так, священник Смирнов С. А. о епископе Феодосии говорил среди духовенства: “До Феодосия у нас не было епископа. Леонид был не епископ, а подставное лицо. У него были не духовные, а светские понятия. Он

часто уезжал из епархии в Москву, бросал дела на произвол судьбы. Как он смог дать согласие на закрытие церквей в Юлове и Плетневке? Люди плачут, а он церкви закрывает. Феодосий хочет навести порядок в епархии. Она сейчас сильно потрепана, но он человек бесстрашный и сумеет это сделать”. Священник Наровчатский о Феодосии заявил: “Приехал настоящий архипастырь. Леонид был деспот. Он ни с кем не считался. Феодосий наладит здесь дела”. Священник Макашов заявил: “Мой брат учился у Феодосия в Саратовской духовной семинарии. Он очень заботливый о церкви человек”.³¹⁴

Пришлось уполномоченному Совета в срочном порядке включать в план работы на 1961 год такой пункт: “Оказывать сдерживающее влияние на епископа Феодосия, пытающегося укрепить кадры духовенства в области и усилить проповедническую деятельность духовенства в церквях”. Весьма примечательно, что этот пункт был показан в разделе “О мерах по усилению контроля за соблюдением духовенством советского законодательства о культах”, – хорошо работать в Церкви было тоже противозаконно.³¹⁵

То, что ему попался на этот раз крепкий орешек, уполномоченный убедился очень быстро, – когда поставил перед архиереем вопрос о необходимости снижения цен на свечи. Напомним, что свечная продажа являлась основным источником существования церквей, поэтому правительство в целях подрыва их экономического положения обложило непомерным налогом свечное производство. В результате вместо 16 рублей за 1 кг свечей церкви их стали получать по 200 рублей за 1 кг, что, естественно, повело за собой увеличение на них цен. Местным уполномоченным вменялось в обязанность следить за тем, чтобы в епархиях цены на свечи особенно не поднимали. Лучше всего было “обрядить” это в заботу о бедных верующих, с которых жадные священники дерут три шкуры. Вот как описывает свой разговор на данную тему с епископом Феодосием С. С. Попов и то, что из этого получилось: “Во время приема епископа Феодосия 7 мая 1960 года было обращено его внимание на незаконность получения церквями коммерческой выручки от продажи по спекулятивным ценам (установленным самим правительством. – А. Д.) в церквях свечей, просфор, крестиков и иконок. Было высказано мнение, что продажа упомянутых предметов культа должна производиться церквями по ценам равной их себестоимости. Церкви не должны иметь никакого дохода от их продажи или во всяком случае этот доход не должен превышать 5–10 % их себестоимости. Церкви должны содержаться в основном только за счет добровольных пожертвований верующих. Продажа церк-

вами свечей, просфор и других предметов культа по высоким ценам является по существу принудительным побуждением верующих вносить деньги на содержание церкви, что делать законом не разрешается.

Епископ Феодосий, хотя и не согласился с мнением о том, что это является принудительным взиманием сборов в пользу церкви, но вынужден был признать, что цены на свечи и просфоры в церквях области действительно существуют разные, и он не возражает произвести снижение этих цен и их унификацию после соответствующего изучения этого вопроса.

В настоящее время этот вопрос находится в стадии разрешения. Прекращение получения совсем или существенное снижение доходов церквей от продажи свечей, просфор и других предметов культа способствовало бы подрыву экономики церкви и ее влиянию среди населения”³¹⁶.

Чем же ответил епископ Феодосий на такое предложение?

“Епископ Феодосий согласился произвести некоторую унификацию цен на свечи и просфоры, но практически провел ее с таким расчетом, чтобы это снижение цен на свечи и просфоры не нанесло серьезного материального ущерба церквам”. А именно: просфоры, которые стоили от одного до четырех рублей, стали стоить 1 рубль (или 10 копеек в новых ценах 1961 года), а на свечи снизились цены только на неходовые сорта.³¹⁷

Возмущенный такой несговорчивостью, уполномоченный сообщает секретарю обкома партии П. Д. Селиванову: “В целях подрыва экономики церкви настоятельно необходимо запретить коммерческую деятельность в церквях, заключающуюся в продаже по баснословно спекулятивным ценам свечей, просфор, икон, крестиков и других предметов культа. Но для осуществления этого мероприятия требуется санкция правительственных органов, и в частности, Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров. Запрещение коммерческой деятельности в церквях серьезно ослабило бы позицию церквей и облегчило бы идеологическую борьбу с ними”³¹⁸. Опять, как мы видим, Семен Степанович забежал вперед воза, пытаясь втолковать Преосвященному, что церковь по закону должна торговать без всякой надбавки, просто так, ради удовольствия. А увидя, что “взять на арапа” не удастся, в начале 1961 года предлагает обкому такой ход для наказания непокорного архиерея: “Назрела необходимость упразднения епархиального управления и должности архиерея Православной церкви в г. Пензе, который своей деятельностью укрепляет церкви в области”³¹⁹. Зря он на епископа так обиделся: ведь теперь государство за свечи вместо 5 млн. рублей в год стало

получать более 100 миллионов, пусть Церковь окупит свои расходы, а то еще и брать их по стольку не будет.

В апреле 1961 года прошло Всесоюзное совещание уполномоченных, на котором новый председатель Совета по делам РПЦ В. А. Куроедов сделал доклад “Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах”, который стал руководством к дальнейшему наступлению на Церковь. Доклад подводил итоги выполнения постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 года “О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах” и ставил задачи, вытекающие из постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 16 марта 1961 года “Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах”. Последнее своим решением отменяло прежнее “Положение об управлении Русской Православной Церкви”, утвержденное постановлением СНК СССР 28 января 1945 года. В связи с изменением законодательства Священный Синод под давлением Совета по делам РПЦ вынужден был принять постановление, которое отстраняло священнослужителей от управления приходами. Это было долгожданное для уполномоченных решение, позволяющее им теперь более успешно оказывать давление на церковные общины, направляя их деятельность в нужное для себя русло. Официально суть изменений была следующей: “управление всеми хозяйственными и финансовыми делами в церковной общине передается в руки выборных церковных органов, а роль священнослужителей ограничивается исключительно богослужебными вопросами”. Во главе каждой приходской общины учреждался исполнительный орган (церковный совет), избираемый на собрании религиозного общества открытым голосованием. Причем настоятелю запрещалось входить в церковный совет. Тем самым создавалась не только антиканоническая ситуация, но даже и не соответствующая советскому законодательству: священник – верующий человек – вдруг исключался из религиозного общества, хотя имел право, в принципе, баллотироваться даже в Верховный Совет. Теперь уполномоченному никто не мешал выполнить возложенную на него задачу: “Главное в этой работе – подбор в церковные органы таких людей, через которых можно было бы проводить нашу линию. Надо добиться того, чтобы в исполнительных церковных органах не было религиозных фанатиков, бесчестных людей, жуликов, проходимцев, бывших преступников. Уполномоченным Совета и местным советским органам предоставлено право неограниченного отвода кандидатов в церковные органы”³¹⁹. Вот такие они свободные советские выборы. Можно представить теперь, в каких неимоверно трудных условиях приходилось архиерею управлять епархи-

ей, а священнослужителям заботиться о состоянии церкви. Любой член церковного совета, куда религиозных фанатиков уполномоченный старался не допускать (а вот остальные нежелательные элементы почему-то проникали), мог и священнику, и самому архиерею сказать что угодно: теперь не прихожане от них были в зависимости, а духовенство у своей паствы оказалось в услужении. Весьма показательный случай на этот счет записал епископ Феодосий в своем дневнике: когда в Митрофановской церкви на замечание архиерея, что члены церковного совета не в то время делают по ходу богослужения сбор денег, мешая тем самым совершать ему службу, помощник старосты ответил своему Владыке, что его мол дело служить, а когда им ходить с тарелкой, они лучше знают. Дисциплину, которая снизилась во времена правления предыдущего архиерея до неимоверности (как среди духовенства, так и обслуживающего церковь персонала), теперь епископу Феодосию поднимать стало еще тяжелее. И на всем протяжении своего пребывания в Пензе он с горечью постоянно пишет в дневнике одно и то же – сколько раз ему приходится повторять о недопустимости пренебрежительного отношения к святым вещам, и все впустую: снова он находит в алтаре пыль, ведра, тряпки и т. п. Поистине титанических усилий стоило ему наладить в епархии дисциплину, но сколько здоровья унесло у него это. Да и не только это. Каждый визит к уполномоченному, которого епископ Феодосий с горькой усмешкой называл “хозяином”, давался ему, как просителю, вынужденному часами добиваться уступок, с огромным трудом. Да и то они, скорее всего, были платой архиерею за интересные многочасовые разговоры на литературные темы: Владыка Феодосий был исключительно начитанный человек, да к тому же как-никак кандидат богословия. С. С. Попов, говорят, был тоже довольно сведущим в литературе. Кроме того, во время их диспутов шла борьба двух интеллектов: кто кого. Когда нечем возразить, тогда-то и приходилось кому-то идти на компромисс. Думается, что с отъездом Преосвященного из Пензы, уполномоченный много потерял, – то, что давало ему в их взаимоотношениях особую остроту или, наоборот, отдушину, – смотря по тому, насколько в нем осознавалась та мерзость, которой ему по долгу службы приходилось заниматься.

Перестройка управления в церквях на основе нового государственного законодательства, как пишет уполномоченный, проходила следующим образом: “Введена практика, согласно которой регистрация вновь назначенного в церкви духовенства производится только после предъявления письменного согласия религиозной общины. В то же время регистрация выборных исполнительных органов общины (церковных сове-

тов) производится только после согласия на это соответствующих райгорисполкомов. Такой порядок регистрации способствует принижению роли духовенства в общинах и усилению контроля за деятельностью общин со стороны местных органов власти... В ходе перестройки управления в церквях в большинстве общин произошла замена состава выборных исполнительных органов этих общин (старост, казначеев, членов церковных советов и ревкомиссий). Можно считать, что существовавшие в прошлом “поповские” церковные советы, которые по существу были подобраны духовенством (из наиболее преданных Церкви верующих прихожан. – А. Д.), сейчас в основном обновились. Многие исполнительные органы общин стали меньше прислушиваться к мнениям духовенства, стали смелее самостоятельно (в угоду безбожной власти. – А. Д.) решать финансово-хозяйственные и другие вопросы управления церквей”. О том, какое наказание следовало в случае, если “самостоятельность” церковных советов оказывалась неудобной уполномоченному, показывает пример с повышением цен на свечи в сердобском храме, продиктованном недостатком средств на содержание этого огромного собора, о чем было принято решение на собрании “двадцатки” по предложению церковного совета. “За допущенные злоупотребления и неправильное поведение весь состав исполнительного органа общины церкви г. Сердобска был снят с регистрации и на собрании “двадцатки” избран новый совет исполнительного органа общины”³²⁰.

Чтобы организовать эффективный контроль за подбором подходящих людей в церковные советы, да и вообще за церковь, уполномоченному необходим был свой актив. На это с 1961 года Совет по делам РПЦ и нацеливает уполномоченных, настоятельно рекомендуя им создавать на местах “комиссии содействия делу усиления контроля над деятельностью духовенства”, примерный состав которых предлагался следующим: секретарь райисполкома, заврайотделом культуры, заврайдомом атеистов, секретарь райкома ВЛКСМ, один-два председателя сельсовета, завклубом, активисты-пенсионеры. Наконец-то уполномоченный получал целую армию соглядатаев и мог теперь в тысячу бессовестных глаз следить за духовенством.

XXII съезд КПСС, состоявшийся в октябре 1961 года провозгласил построение в СССР коммунизма в течение 20 ближайших лет. Самособой, в коммунистическом обществе для Церкви уже не хватало места. Разве что для одного попа, которого Хрущев обещался показывать по телевизору как пережиток далекого-далекого прошлого. Советские люди должны были войти в коммунизм идейно подготовленными. Для более

жесткого контроля за их мировоззрением в церквях вводился обязательный учет числа проведенных треб с регистрацией граждан, совершивших церковные таинства. Ну а узнать место их работы, сообщить туда и поработать на собраниях было уже делом техники. Родник животворящей Христовой веры оказался заключенным в трубу, на которую навесили кран и в любую минуту готовы были его закрыть, – когда пробьют куранты коммунистического завтра. Но пока все же надеялись обойтись поцивилизованному: пусть уж старушки пьют свою святую воду, недолго им осталось, но вот несознательную молодежь пора вразумить и интеллигенцию, и рабочих, и крестьян, то есть колхозников и совхозников, и... кого еще там?

Такие меры были тем более необходимы, что число совершаемых в церквях треб не уменьшалось, или убавлялось не так, как бы хотелось: в 1961 году крестилось 29, 3 % всех родившихся, было отпето 45 % умерших и обвенчано 4, 6 % пар, не пожелавших жить в блуде. На 1 января 1962 года в области действовало 82 православных общины, в том числе 30 официально зарегистрированных церковей (в 1960 году были закрыты церкви в Юлово, Плетневке, Вазерках) и 52 общины и группы верующих, которые собирались без разрешения органов государственной власти. Духовенства насчитывалось 44 человека, среди которых было 38 священников и 6 диаконов. Из них только 3 человека имели возраст до 40 лет, 9 человек – от 40 до 55 и свыше 55 лет – 32 священнослужителя.³²¹

20 ноября 1961 года облисполком вынес решение о закрытии действующей церкви в с. Аришке Лунинского района, основываясь на заключении комиссии о ее аварийном состоянии, а взамен верующим было предложено арендовать себе посещение у частных лиц площадью 36 м². 22 февраля 1962 года последовало новое решение облисполкома – о закрытии церкви в Лопатино, которая уже не функционировала с 1959 года в связи с отсутствием священника, и в с. Лермонтово – как расположенную на территории музея-усадьбы. В отношении последней говорилось, что “такое размещение действующей церкви создавало серьезные неудобства для работы музея, имеющего общесоюзное значение и вызывало справедливые нарекания со стороны посетителей музея. Областные руководящие органы считают целесообразным закрыть церковь в с. Лермонтово и передать ее музею”. Так что сегодняшней интеллигенции, обеспокоенной обратной передачей Церкви храмов, занятых под культурные нужды, следовало бы учитывать обстоятельства их получения государством в свои руки – в результате односторонних безапелляционных решений обкомовского начальства и в ходе нового витка антирелигиозных гонений.

На попытку архиерея назначить туда нового священника взамен выбывшего под давлением обстоятельств в другой приход уполномоченный ответил отказом. В октябре 1962 года у верующих отобрали молитвенное здание в Сушевке Колышлейского района, купленное в свое время за 37 тысяч рублей у Пензенского отделения Куйбышевской железной дороги, в котором раньше располагалось общежитие железнодорожных рабочих, а позднее клуб. Здание предложили передать добровольно, основываясь на новом прочтении постановления правительства от 1 декабря 1944 года. “Первоначально часть церковного актива отказывалась передавать здание райисполкому, мотивируя это тем, что это здание в свое время было куплено общиной. Однако после проведения соответствующей разъяснительной работы община добровольно освободила и передала здание райисполкому”. Вместо помещения из шлакоблока площадью 184 м² общине пришлось использовать в качестве молитвенного дома бывшую церковную сторожку площадью 42 м². С неприкрытым цинизмом сообщалось, что изъятие хорошо оборудованных помещений существенно ухудшило условия деятельности общин, в частности, в Аришке почти перестали ходить в молитвенный дом, в котором было очень тесно. Священник с. Сушевки подал архиерею просьбу об уходе за штат. Были все основания говорить, что “эти общины в скором времени распадутся”³²².

Не дождавшись снижения цен на предметы религиозного культа от епископа Феодосия, уполномоченный решил действовать через послушные теперь ему церковные советы. “По нашей рекомендации, – отчитывается он в вышестоящие инстанции, – вопрос о снижении цен на просфоры и свечи был обсужден на собраниях “двадцаток” общин, которые вынесли решения снизить продажные цены на свечи от 30 % до 50 % на различные сорта свечей. Снижены на 50 % цены на просфоры, которые сейчас продаются по 20 коп. за штуку. Осуществление этого мероприятия повлекло существенное реальное снижение доходов церквей”. И естественно, что “сокращение реальных церковных доходов вынудило многие общины вынести решение собрания “двадцатки” об уменьшении и добровольных отчислений в епархиальное управление”. Но зато сокращение доходов церквей не помешало превратить их деньги в “добровольные отчисления верующих” в Фонд мира: за 1961 год церкви области перечислили туда 67 тыс. рублей (новыми), в то время как на ремонт израсходовали лишь 10, 6 тыс. рублей (в 14 раз меньше, чем в 1958 году!). Да, общинам оставили большой выбор. С одной стороны, им регламентировалось следующее: “В настоящее время в церквях разрешается производить только неотложный ремонт кровли, печей, окон, дверей. Всякие

другие ремонтные работы, связанные с реставрацией художественной росписи в церквях, связанные с наведением “блеска” и украшения церквей, – не разрешаются”. С другой стороны, “*в порядке поощрения патриотической деятельности церковей и уменьшения наличия денежных средств в церквях поощрялось внесение общинами денег в Фонд мира*”.³²³

Вот так. Как великое благо, дарованное государством, церкви должны были считать для себя право быть ограбленными. Да попробовали бы общины еще воспротивиться тому, как у них выворачивают карманы. Не потому ли в 1962 году и разразился Карибский кризис, чуть не приведший СССР на грань войны, что подобные добровольно-принудительные взносы в Фонд мира, львиная доля которых принадлежала Церкви, были равносильны отравленному молоку, которое начинает давать дойная корова, когда ее заботливо пичкают травой, сдобренной ядохимикатами? Да и какую пользу можно было ждать от мероприятий, направленных на оздоровление международной обстановки, если благие пожелания прикрывались корыстными целями: “Перечисление церквами денег в Фонд мира помимо прямой выгоды для государства имеет немаловажное и политическое значение, так как позволило изъять из оборота церковей крупную сумму денег и тем самым ослабить экономику церковей”³²⁴. Кстати сказать, “раскрутка” церковей на претворение в жизнь лозунга “мир во всем мире” была особенно необходима, так как в связи с переводом духовенства (в целях борьбы с его обогащением) на твердые оклады, произведенным Церковью под давлением Совета по делам РПЦ в апреле – июле 1962 года, возникли и “неблагоприятные моменты” – из-за снижения доходов духовенства резко снизились подоходные налоги, отчисляемые в государственный карман. “Мировые” деньги позволили не только компенсировать вынужденные потери государства, но даже и превысить его прежний навар, получаемый с Церкви. В то же время эта сторона деятельности Русской Православной Церкви была скрыта от общественности. Более того, Совет по делам РПЦ категорически требовал от своих уполномоченных обратить особое внимание на “полную ликвидацию всех видов церковной благотворительности, каким бы камуфляжем они не прикрывались”³²⁵. А поступающие в церкви пожертвования от верующих граждан в виде платков, скатертей, ткани, занавесок, ковровых дорожек, одежды и других вещей и предметов было запрещено исполнительным органам и раздавать бесплатно, и продавать кому бы то ни было, а рекомендовалось, опять же в добровольно-принудительном порядке, сдавать в государственный фонд, оставляя себе только самое необходимое. Тем более запрещалось оказывать денежную помощь гражданам.

Борьба с Церковью как дело сатанинское всегда обростает всякими гнусностями. Для установления фактов посещения церквей детьми в храмы направлялись наряды совпартактива: учителя школ, члены клуба атеистов и другие верноподданные Страны Советов, которым было поручено изучить вопрос: с кем приходят дети в церковь. Легко представить себе такую картину, как учительница, увидев своего ученика из младшего класса, изображает на лице неопишущую радость и, бросаясь к ребенку с конфеткой в руках, сгибается в три погибели, чтобы спросить на ушко: “С кем это ты пришел сюда?” Отчетом подобного урока лицемерия, преподанного школьнику, становятся такие донесения: “Бабашев Коля – ученик 1 класса 25-й средней школы г. Пензы; по его заявлению, пришел в церковь со своим отцом – рабочим дизельного завода” или “Шмелева Наташа – ученица 3 класса Лунинской средней школы; по ее заявлению, в церковь пришла с бабушкой” и т. п. Особенно возмутительным вмешательством в церковные дела со стороны активистов-атеистов было несение ими вахты рядом со священником во время святого причастия: вот уж где раскрываются не просто факты посещения церкви, но налицо более страшное преступление перед обществом и государством – доказательство их воцерковления и веры.

Дальнейшее наступление на Церковь шло по нарастающей. Атеистическая работа пронизывает все звенья идеологической работы партии и правительства. Поступает команда в противовес церковным обрядам срочно разработать сценарии гражданских обрядов, к чему вместе с уполномоченным подключаются органы культуры. Этот вопрос специально рассматривается на бюро ЦК КПСС 25 августа 1962 года, где после ознакомления с запиской Совета по делам РПЦ “О некоторых мерах по отвлечению населения от исполнения религиозных обрядов” дается указание всем крайкомам и обкомам КПСС принять соответствующие меры. Этими мерами явились такие всем нам хорошо известные акты, как торжественная регистрация гражданских браков, рождения ребенка, “гражданские дни памяти умерших” на братских могилах воинов, общественное чествование 25- и 50-летия супружеской жизни и т. п. Эти новые праздники, родившиеся в 1960-х годах, сами по себе имели и свое положительное воспитательное значение. Но, по крайней мере, участвующие в них сегодня должны знать, что появление этих обрядов связано совсем не со стремлением украсить советскую действительность как таковую и не в пылу заботы о радостной и счастливой жизни советских людей, а просто-напросто как мера, направленная на отвлечение от религии и церкви.

Требования, которые предъявляла коммунистическая партия к беспрекословным исполнителям ее воли на местах, толкало последних к превышению своих полномочий, что делало курс атеистического флага довольно неровным, вынуждая его реагировать на резкие отклонения своих подопечных от видимо-цивилизованных отношений с Церковью. 7 марта 1963 года вышло постановление Совета по делам РПЦ “О фактах грубого нарушения законодательства о культах со стороны отдельных уполномоченных Совета и местных советских органов”. Однако на июньском пленуме ЦК КПСС 1963 года в очередной раз продемонстрировалась верность ленинским принципам, которые для творческой интеллигенции выразились в хорошо ей усвоенном постулате, что всякое кокетничание деятелей культуры с религией есть “идейное труположество”³²⁶. Пленум решительно отмежевался в этом вопросе от Сталина, вставив ему в вину, что при нем “стала по-другому трактоваться роль Церкви в социалистическом государстве, ее деятельности стало придаваться положительное значение” (забыли, правда, зачесть ему в заслугу массовые репрессии 30-х годов против священнослужителей). XXIII съезд КПСС почему-то не уделил особого внимания научно-атеистическому воспитанию, но Совет поторопился заверить, что это не означает снятия вопроса борьбы с религией с повестки дня. В декабре 1965 года ЦК КПСС принял постановление о преобразовании Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов в единый Совет по делам религий, положение о котором было утверждено 10 мая 1966 года. А в докладе В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета, состоявшемся 21 июня 1966 года, прозвучали обнадеживающие для Церкви откровения: “Много имеется случаев вмешательства местных советских органов и даже уполномоченных Советов во внутреннюю жизнь церквей. Нередко без достаточных оснований препятствуют назначению священнослужителей, игнорируют права архиерея при назначении и смещении духовенства...” или же призывы: “Прекратить всякую игру с “двадцатками”. Не разлагать их надо изнутри, а позаботиться о том, чтобы в них были честные, добросовестные верующие, которые бы полностью выполняли требования нашего законодательства”. А чтобы работа уполномоченных была более успешной, докладчик добавил: “...уполномоченные должны работать по-новому, а это, прежде всего, означает, что они должны все знать, все видеть и смотреть вперед. В связи с этим я бы подчеркнул абсолютную необходимость каждому уполномоченному иметь актив своих доверенных лиц из среды верующих, духовенства, чтобы у уполномоченного везде и всюду были глаза и уши”. То есть иметь свою агентурную сеть.³²⁷

Казалось бы в сложившейся обстановке управляющему Пензенской епархии всеми “законными” нововведениями и незаконными инициативами уполномоченного и районных властей так связали руки, что у Преосвященного совсем не осталось возможности влиять на церковную жизнь. Но 29 мая 1962 года Пензенский облисполком возбудил ходатайство перед Советом по делам РПЦ об упразднении епархиального управления в Пензе. Обоснованием для этого служило следующее: “Принимая во внимание, что количественный состав действующих церквей в Пензенской области и Мордовской АССР за последние годы значительно сократился, а также учитывая ту активность, которую проявляет Феодосий в укреплении церквей, в областных партийно-советских органах по-прежнему придерживаются мнения о целесообразности упразднения Пензенского епархиального управления”³²⁸.

Значит были на то причины, если даже в советско-партийных тисках епископ Феодосий не давал покоя местной власти, несмотря на все ее попытки еще туже закрутить винт. Да и какие усилия власть имущих могли остановить того, чьих действий судьей был лишь Господь Бог. Хорошо характеризуют религиозные убеждения Преосвященного его слова, запротоколированные с обычной скрупулезностью уполномоченным С. С. Поповым. На вопрос последнего: “Не повлияли ли на его религиозные убеждения запуски искусственных спутников земли”, епископ Феодосий ответил: “Нет, нисколько. Я рассматриваю искусственные спутники как усовершенствование техники, как увеличение скорости передвижения. Во-первых, техническую революцию от лошади до паровоза я считаю более серьезной, чем от самолета до спутника. А во-вторых, неужели Вы думаете, что если я еду на телеге, то я – епископ, а если лечу на самолете, то перестал им быть. Нет, я все равно остаюсь со своей верой. И если будут космические корабли, которые смогут летать до других планет и мне пришлось бы лететь в них, я все равно полетел бы и на другие планеты со своей верой”. Насколько более убедительный ответ, чем встреченные аплодисментами слова улыбающегося 27-летнего космонавта, сказавшего, что был в космосе, но Бога там не встретил, и других, которые техническим прогрессом пытались доказать Его несуществование.

По истечении 1963 года епископу Феодосию уполномоченным была дана такая характеристика: “В отчетный период продолжал проявлять активность в укреплении церквей управляющий Пензенской епархией епископ Феодосий (Погорский Д. М.). Он, как и в прошлом году, делал попытки замены старого по возрасту духовенства более молодым, а следовательно и более подвижным, энергичным духовенством. Пытался ожи-

вить проповедническую деятельность, заставлял духовенство выступать с проповедями на каждой церковной службе. Однако это его требование не было поддержано большинством духовенства области, которое ссылаясь на свою старость и малограмотность, уклонились от произношения проповедей. Только лишь отдельные служители (Лебедев, Макашов) выступают с проповедями перед верующими.

Феодосий принимает активное участие в проводимых богослужениях в церквях. В кафедральном соборе г. Пензы Феодосий в 1963 году лично проводил все службы в воскресные дни и в дни религиозных праздников, выступая каждый раз с проповедями перед верующими.

Не ограничиваясь личным участием в богослужениях в церквях г. Пензы, Феодосий участил свои выезды для проведения богослужений в церквях городов и сел области. Он посетил и проводил богослужения в церквях г. Кузнецка, Сердобска, в селах: Козлятском, Малой Ижморе, Вадинске, Новых Пичурах, Нижне-Аблязове”³²⁹.

В качестве пояснения к вышесказанному хочется добавить следующее. В 1964 году архиепископ Феодосий (возведен в этот сан 25 февраля 1964 года) заменил 8 священников и одного диакона, пригласив на их место священнослужителей из других городов и даже с Украины. К числу пензенского духовенства прибавились клирики, получившие специальное духовное образование – окончивший духовную академию священник Н. П. Шовкун, духовную семинарию – священник В. И. Заводчиков и др. В отношении нежелания священников выступать с проповедями, думается, что не последний аргумент здесь имела сложность удержаться при этом на позициях лояльности к советскому государству, жизнь которого строилась на безбожных законах, входящих в противоречие с христианскими добродетелями, а это уже могло быть расценено как антисоветская агитация. Именно это и случилось с активным проповедником Макашовым. Об этом свидетельствует докладная записка уполномоченного председателю Совета В. А. Куроедову от 11 ноября 1963 года: “Настоящим сообщая, что мною 10 ноября т. г. снят с регистрации священник Мироносицкой церкви г. Пензы Макашов Павел Петрович 1932 года рождения за распространение им вредных, клеветнических и антисоветских измышлений. В свое время Макашов вызывался в УКГБ Пензенской области и предупреждался о недопустимости ведения им таких разговоров, однако и после предупреждения он продолжал высказывать нездоровые суждения, искажая советскую действительность”. Такое грозило каждому священнику, кто пытался свои проповеди увязать с современностью, без чего их воспитательное значение, конечно же, снижается.³³⁰

1965 год в жизни архиепископа Феодосия имел особое значение. В чем именно заключалась эта особенность, хорошо видно из справки, которую направил уполномоченный на имя начальника УКГБ по Пензенской области полковнику И. И. Лазаревичу 11 января 1966 года. Опуская ее вводную часть, обобщающую достижения в борьбе с религией, остановимся только на интересующих нас местах: "...с 1965 года часть духовенства Русской Православной Церкви начинает открыто выступать за возвращение к старым порядкам, существовавшим в церквях, когда хозяином церкви был священник, и за отмену нововведений, которые, по их мнению, подрывают и разрушают Православную церковь. Начало открытому выступлению за отмену проведенной реформы церковного управления положило официальное заявление десяти архиереев Русской Православной Церкви, в том числе и пензенского архиепископа Феодосия, которые они направили Патриарху Русской Православной Церкви Алексию в августе 1965 года. В этом заявлении упомянутые архиереи в завуалированной форме критикуют Патриарха Алексея за недостаточное отстаивание перед государственными органами интересов Церкви и выдвигают требование о созыве Поместного Собора (Всероссийского религиозного съезда) для отмены постановления и решения Архиерейского Собора 1961 года о реформе церковного управления. Однако Патриарх Алексей не только не поддержал это требование десяти архиереев, а наоборот, главного организатора подачи этого заявления архиепископа Калужского Ермогена уволил (под давлением Совета по делам РПЦ. – А. Д.) с должности и отправил в монастырь".³³¹ Такая же судьба могла ожидать и самого архиепископа Феодосия. Он это прекрасно осознавал, но не мог заставить молчать свою совесть, видя такое ненормальное явление в Русской Православной Церкви, как отстранение священнослужителей от полноценного участия их в жизни приходской общины и от финансово-хозяйственной деятельности церковей, в частности. Свое отношение к данному вопросу архиепископ Феодосий изложил Патриарху еще раньше – в годовом отчете за 1964 год. "На замечания, сделанные Феодосию [уполномоченным] в беседе о том, что он вмешивается не в свои дела и на высказанный ему совет, что ему не следовало бы в этих вопросах занимать положение человека, идущего против ветра, он ответил: "Конечно, все эти вопросы должен был бы решать Патриарх. Но ему 88 лет, в таком возрасте человеку трудно устоять не только против ветра, но и по ветру. Поэтому кому-то надо поднимать эти вопросы"³³².

Пензенская администрация продолжала настаивать перед Советом по делам религий об оказании им давления на Патриархию с целью пере-

вода архиепископа в другую епархию. К этому времени результаты деятельности его на Пензенской кафедре стали давать ощутимые плоды: “За многолетнее пребывание в Пензе, – пишет уполномоченный в 1966 году, – Феодосий в значительной степени сумел обновить и укрепить кадры духовенства, добился прекращения случаев их безнравственного поведения, чем укрепил их моральный авторитет среди верующих. При его непосредственном и настойчивом воздействии в церквях развернулась большая религиозная пропаганда путем произнесения служителями культа во время богослужения религиозных проповедей. Феодосий всячески поддерживает и поощряет служителей культа, которые проявляют рвение в церковной службе и строго взыскивает и наказывает тех духовных лиц, которые небрежно исполняют свои церковные обязанности (отстранил от своих обязанностей настоятелей обоих пензенских храмов и уволил за штат за безнравственные проступки ряд лиц. – А. Д.). Применяя таким образом политику “кнута и пряника”, Феодосий добился заметной активизации деятельности духовенства”. К сведению скажем, что за 1966 год было произнесено 1182 проповеди, еще несколько лет назад их были единицы, теперь же это стало нормой. “В своей деятельности, – продолжает уполномоченный, – архиепископ Феодосий стремится показать духовенству личный пример верного служителя Православной церкви. Он выдержанно ведет себя в быту, стремится прослыть бесребреником, совершает частые поездки по подчиненным ему приходам... Он полностью солидарен с содержанием известных писем священников Эшлимана и Якунина, но расходится с ними только в методах разрешения всех этих вопросов. Не случайно поэтому он в истекшем году обращался к Патриарху Алексию с прошением о помиловании Эшлимана и Якунина”³³³. Касаясь последнего обстоятельства, скажем, что речь идет о письме, написанном на имя Патриарха в довольно резкой форме, в котором священники обвиняют Патриарха Алексия и Высшее церковное управление в том, что они, “сообразуясь с веком сим”, стали “послушными орудиями в руках чиновников-атеистов, разрушающих Православную церковь”.

Автору неизвестно, что именно послужило поводом для перемещения архиепископа Феодосия 30 июля 1968 года в Ивановскую епархию: происки ли пензенского уполномоченного, настойчивое ли обращение руководства области в Совет по делам религий с просьбой убраться его подальше, или же принципиальная позиция архиерея, доведенная им до сведения Патриарха, и ходатайство за вышеупомянутых священников. Незадолго до его отъезда состоялся разговор архиепископа с уполномо-

ченным по вопросу антирелигиозной пропаганды в стране. Преосвященный сказал: “Антирелигиозная пропаганда по-моему не оказывает никакого влияния на религиозность населения и отход верующих от своей веры. Да и вряд ли можно рассчитывать, чтобы человек во что-то верил и так легко мог отказаться от своих убеждений в результате пропаганды людей, разделяющих и имеющих другие убеждения, другие взгляды на окружающий нас мир и жизнь человека. Процесс секуляризации человеческого общества не связан с антирелигиозной пропагандой. Известно, например, что процесс секуляризации происходит и в буржуазных странах и, в частности, во Франции. Но там ведь не ведется антирелигиозной пропаганды. То же самое происходит и у нас. Отход от веры больше всего наблюдается у молодежи. И это происходит, по-видимому, потому что религия устанавливает для поведения человека определенные рамки: “не укради”, “не прелюбы сотвори” и т. д. Но эти рамки не всем нравятся, и в первую очередь не нравятся молодежи, которая, может, наоборот, хочет и “прелюбы сотворить”, и вообще не хочет иметь каких-то рамок для своего поведения в обществе. Но потом, позднее, когда эти молодые люди становятся пожилыми, многие из них все-таки опять возвращаются в церковь. Только этим можно объяснить стабильность верующих, если судить по численности молящихся в церквях. Я вот служу в Пензе восемь лет и за это время не вижу какого-то уменьшения молящихся в церквях”. Далее Владыка говорил: “Надо читать антирелигиозные статьи, знать слабые стороны антирелигиозной пропаганды, а в необходимых случаях нужно давать и отповедь атеистам...Сейчас атеистические статьи стали более серьезными. Журнал “Наука и религия” помещает хорошие статьи по религиозным вопросам, которые могут заинтересовать и верующего читателя. Раньше больше писали фельетоны. Такие сатирические материалы у верующих не вызывают интереса, и их читали чаще всего только атеисты”. На вопрос уполномоченного, какие архиепископ читает газеты и журналы, Преосвященный ответил: “Я выписываю и читаю, вероятно, побольше газет и журналов, чем любой ваш секретарь райкома или горкома партии. Я выписываю журналы: “Коммунист”, “Вопросы философии”, “Вопросы истории”, “Вопросы археологии”, “Школа и жизнь”, “Культура и жизнь”, “Новый мир”, “Молодая гвардия”, “Октябрь”, “Наука и религия”, “Курьер Юнеско”. Раньше выписывал все издающиеся журналы социалистических стран и несколько десятков газет. Все их подробно мне не удастся прочитать, но я их все просматриваю, и что меня заинтересует, то и прочитываю”. Все это дало основание уполномоченному заметить в отчете: “Эти суждения архиепископа Феодосия нагляд-

но показывают, что наиболее рьяные приверженцы церкви далеко не спокойно относятся к нашим мерам по атеистическому воспитанию населения, внимательно следят за ними, глубоко изучают антирелигиозные статьи и со своей стороны принимают меры к снижению результативности наших атеистических мероприятий”³³⁴.

В 1968 году Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС совместно с Пензенским обкомом КПСС провели комплексное социологическое исследование на тему: “Процесс секуляризации в условиях социализма”, охватившее все взрослое население области, насчитывающее в то время 900 тысяч человек. Итоги этого исследования дали пищу для научно-практических конференций, которые прошли в мае 1969 года в Октябрьском, Железнодорожном районах г. Пензы, в г. Кузнецке, в Земетчинском и Лунинском районах. А 30 мая в Пензе состоялась областная научно-практическая конференция. На совместном заседании ученого совета Института научного атеизма и отдела пропаганды и агитации обкома КПСС при участии партактива были разработаны мероприятия по активизации атеистической работы, поскольку итоги социологического исследования показали, что 28,4 % взрослого населения области (255 600 человек) относят себя к людям верующим. Правда, 8,9% были колеблющиеся и лишь 19,5 % – искренне верующих. Но зато 2 % из опрошенных уклонились от ответов, что давало возможность отнести их к потенциально верующим людям. Среди татар эти показатели были гораздо выше: 48,4 % были верующими и 3,5 % уклонились от ответов. Результаты исследования привели к таким выводам: “Таким образом, можно считать, что процесс секуляризации в Пензенской области еще не завершен, и для полного освобождения населения от религиозных предрассудков потребуются еще немало труда и настойчивых усилий по дальнейшему коммунистическому воспитанию трудящихся”.³³⁵

В последний год пребывания архиепископа Феодосия в Пензе показатели епархии выглядели следующим образом. Всех действующих церквей и молитвенных домов в области было 27. (Еще в июне 1963 года перестала функционировать Параскевинская церковь в г. Кузнецке, руку к чему приложил Кузнецкий горисполком. И несмотря на то, что на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам религий в 1966 году докладчиком был отмечен факт незаконного закрытия церквей в Пензенской области и имели случаи ходатайства верующих о возобновлении ее деятельности, она так и не открылась и была впоследствии снята с регистрации). Служителей культа насчитывалось 53 человека: кроме управляющего епархией, было 33 священника, 4 диакона и 15 псаломщи-

ков. Благодаря усилиям архиепископа Феодосия удалось-таки значительно омолодить состав духовенства: число имеющих возраст до 40 лет возросло с трех до 12 человек. А количество имеющих среднее духовное образование увеличилось с 13 до 20 человек. Старое малограмотное духовенство все же постепенно менялось на более молодое и грамотное, несмотря на сопротивление уполномоченного. Число венчаний в церквях за семь лет сократилось на 40, 4 % (причем, в Пензе и Кузнецке практически прекратились совсем), а крещений на 30, 8 %. Это были результаты тотальной слежки за людьми, которая поднялась на новую ступень в результате взаимообмена сведениями квитанционного учета, введенного в церквях, между уполномоченными близлежащих областей – Ульяновской, Саратовской и Мордовской АССР. Все выявляющиеся факты несоблюдения уставных требований коммунистами и комсомольцами в вопросах отношения к религии рассматривались на парт- и комсомольских собраниях. Однако, не обольщаясь достигнутыми результатами, уполномоченный отмечал, что “учитывая резкое уменьшение рождаемости и некоторое уменьшение бракосочетаний, в процентном отношении уменьшение религиозной обрядности более чем скромное”. Не менее обидным было и постоянное увеличение доходов в церквях, которые с 1962 года выросли почти вдвое.³³⁶

Но все же и для руководства области время пребывания архиепископа Феодосия на Пензенской кафедре, кроме озабоченности, имело и положительные последствия. Только за 1962–1965 годы удалось изъять в Госфонд из церквей пожертвованные в них верующими 2257 метров ткани и тюля, 257 платков, 87 полотенец и другие предметы. Эти вещи поступили в детдома и дома инвалидов, призреваемые в которых и не догадывались, что государство на этот раз пытается прослыть добреньким за чужой счет. За 1962–1966 годы получено “добровольных” взносов в Фонд мира на сумму более 924 тысяч рублей. Из них в 1966 году – 187 413 рублей (в том числе 24 800 рублей в помощь населения Ташкента, пострадавшего от землетрясения, жители которого также не подозревали, от кого поступили эти деньги). В 1967 году к ним добавилось еще 188 492 рубля, а в 1968 году – 205 550 рублей, что составляло 14, 3 % от общего дохода церквей. А сколько это было от всех взносов жителей области в Фонд мира? По Пензенской области таких данных нет, а вот, например, по Татарской АССР взносы на мирные цели в 1967 году составили более 30 % от всех денежных поступлений, в Ульяновской – около 30 %. Вероятно, и по Пензенской столько же. И это всего от 27 церквей!³³⁷

Как уже говорилось, архиепископ Феодосий, давно уже ставший для Пензы персоной нон грата, 30 июля 1968 года был переведен на место управляющего Ивановской епархией и наречен архиепископом Ивановским и Кинешемским. Пробыть ему там пришлось пять с небольшим лет, и 16 октября 1973 года он стал архиепископом Уфимским и Стерлитамакским. Причиной его нового перевода была конфронтация с церковным советом Ивановского кафедрального собора, староста которого был неоднократно замечен в злоупотреблениях своим положением. Но все усилия архиерея сместить его со своего поста наталкивались на противодействия со стороны ивановского уполномоченного и городских властей. 3 мая 1975 года, в Великую Субботу, архиепископ Феодосий, этот непрестанный молитвенник и труженик, волей Божией скончался. Похоронен он был в понедельник Светлой Седмицы на кладбище Демского района г. Уфы.³³⁸

А 24 августа 1996 года в ограде Пензенского кафедрального собора напротив алтаря состоялось перезахоронение праха архиепископа Феодосия. Перенос его останков в город, где сей архипастырь оставил о себе добрую память, явился выражением бесконечной благодарности ныне управляющего Пензенской епархией Высокопреосвященнейшего Владыки Серафима своему бывшему духовному наставнику, от которого он принял в свое время иноческий постриг.

Поликарп (Приймак)

С Ивановской кафедры на место архиепископа Феодосия был переведен епископ **Поликарп (Георгий Кондратьевич Приймак)**.

Биография его до Пензы складывалась следующим образом. Родился Георгий 1 апреля 1912 года во Владивостоке в крестьянской семье. В семилетнем возрасте его привезли на ст. Маньчжурию, к матери, которая тремя годами раньше уехала туда в поисках заработка. Там он поступил в гимназию, но, не окончив ее, в 1929 году уехал в китайский город Харбин, где продолжил свое образование. В 1931 году перебрался к матери в японский город Сидзуока, куда она переехала в 1927 году, открыв там магазин готового платья. До 1936 года Георгий вместе с матерью занимался торговлей, а затем перехал в Корею и стал миссионером в г. Сеуле. До этого он закончил два курса богословского института под руководством митрополита Японского Сергия (Тихомирова), был пострижен им в монашество и в марте 1936 года рукоположен во иеромонаха. В 1941 году в сане архимандрита Поликарп возглавил Корейскую православную миссию, учрежденную еще 1897 году. В 1946 году Японская Православная Церковь раскололась, и часть ее, выйдя из юрисдикции Московского Патриархата, перешла под опеку Американской митрополии, возглавляемой епископом Феофилом (Пашковским), находившимся под запретом в священнослужении с 1934 года. На архимандрита Поликарпа начали оказывать давление и в попытке подчинить миссию митрополии стали угрожать отстранением его от руководства, в связи с чем указом Московского Патриархата Корейской миссии была предоставлена временная самостоятельность. Но 13 декабря 1948 года начальник миссии архимандрит Поликарп вместе со своей матерью был арестован корейскими властями и после содержания в тюрьме в 1949 году доставлен к 38-й параллели. Попав таким образом в Северную Корею, он 3 июля оказался в Пхеньяне и уже оттуда перебрался в Харбин, где стал священником кафедрального собора. Дальнейшее существование Корейской миссии проходило уже под окормлением Японской епархии Американской митрополии, но после ухода японцев из Кореи съезд корейских православных верующих в 1955 году принял решение перейти под омофор Константинопольского Патриархата в лице Греческой архиепископии в Америке. В это время архимандрита Поликарпа давно уже не было в Юго-Восточной Азии: в сентябре 1951 года он возглавил Русскую духовную миссию в Иерусалиме, оставшись, таким образом, последним русским начальником Корейской миссии в ее истории.

В Иерусалиме архимандрит Поликарп пробыл до апреля 1955 года, после чего некоторое время находился духовником Свято-Никольского женского монастыря в г. Мукачево Закарпатской области. 19 июля 1957 года состоялась его хиротония во епископа Кировского и Слободского, 16 ноября 1962 года он был перемещен в Архангельскую епархию, а оттуда 27 января 1966 года в Ивановскую. В этих епархиях он особой инициативой не отличался, предпочитая спокойный, размеренный образ жизни, хотя в беседах с уполномоченными и подчеркивал, что он глубоко верующий и его призвание до конца своей жизни служить Церкви. На политические темы предпочитал не распространяться, раз и навсегда, по-видимому, усвоив умение держать себя во вражеском окружении.

С подчиненными, по крайней мере на первых порах, старался поддерживать достаточно тесную связь. Случай, который произошел с ним на Пасху 1964 года в Архангельске, рисует его как человека великодушного. Вернее, это касалось его личного шофера, который после долгого поста за пасхальным столом пригубил коньяку и был в тот же день “случайно” задержан автоинспекцией, лишившей его на год прав. Понятно, что пострадавшим оказался и сам архиерей, которому пришлось теперь ходить пешком или же ездить на такси, чего он себе особенно-то и не мог позволить, так как получал не очень высокое жалованье, из которого, кроме того, выплачивал более половины оклада наказанному шоферу, считая себя виновным в случившемся. В г. Иванове тоже показал свою принципиальность, тратя на свое питание и на приемы только личные средства, а не епархиального управления, что до него было само собой разумеющимся, учитывая, в общем-то, небольшие оклады архиереев и необходимость их поездок в столицу и приема гостей.

Для уяснения личности епископа Поликарпа представляет интерес характеристика, написанная на него ивановским уполномоченным:

“Интересуется стариной, памятниками архитектуры и культуры и особенно живописью. Сам пишет маслом, выезжает на этюды. Несколько раз побывал в г. Суздале и поселке Палех. С одобрением встретил сообщение о создании Общества по охране памятников истории и культуры. Из средств епархии 300 рублей, а из личной зарплаты 25 рублей переводит ежемесячно на текущий счет этого Общества. Проявляет интерес к литературе, много приобретает книг, главным образом по искусству. Завел знакомство в книжных магазинах, и ему там оставляют всё, что получают наиболее интересного. Систематически читает периодические издания и особенно журналы. Нередко делится мнениями по прочитанному. Сам написал исследование по архивным документам одного из монастырей бывшей Вятской епархии и по памятникам Суздальского заповедника... Взаимоотношения строит правильно. Не было ни одного случая, чтобы епископ Поликарп не выполнил даваемых рекомендаций. В беседах неизменно вежлив и предупредителен. Интересы к политическим вопросам не проявляет и разговоров на эти темы избегает. По характеру спокоен, самолюбив... Положением своим несколько гордится. Создается впечатление, что не только без смущения, но даже с гордостью проходит по коридорам учреждения, на виду у многочисленных посетителей... Известие о переводе в Пензенскую епархию Поликарп воспринял болезненно, но теперь, кажется, несколько смирился. Вначале он считал виновником этого архиепископа Феодосия, который будто бы страстно хотел занять Ивановскую кафедру. В связи с этим, когда Феодосий предложил ему встретиться в Москве, чтобы поговорить о епархиях, ввести друг друга в курс дела, проинформировать об особенностях, – он отверг это предложение. Свою позицию пояснил так: “Пусть приезжает и принимает епархию. Сотрудники будут на месте, документы подготовлены. Если я совершил в Иванове преступление, то найти меня очень просто – я буду в Пензе”. Архиепископ Феодосий предлагал якобы вместе похлопотать перед Патриархом об отмене данного решения, так как Феодосию тоже не хочется уезжать из Пензы. Но и это предложение Поликарп отклонил. Он пояснил, что первыми словами клятвы при хиротонии являются слова о покорности. “Я 32 года служу Церкви и ни разу не ослушался, не буду ослушником и сейчас”, – с гордостью заявил он.” К деятельности архиепископа Ермогена, а также к письму Эшлимана и Якунина епископ Поликарп отнесся с крайнем неодобрением. Зато приветствовал ввод советских войск в Чехословакию.

Последнюю свою службу в Ивановском кафедральном соборе епископ Поликарп совершил 17 августа 1968 года, а 26 августа уже был в Пензе.

За полтора года, что он провел на Пензенской кафедре, епископ Поликарп ничем особенным не отличился и 16 декабря 1969 года был освобожден от управления Пензенской епархией и отправлен на покой. Последние годы проживал в Симферополе, занимаясь живописью. Там он и умер 23 июля 1989 года на 78-м году жизни. Похоронили его близ города в с. Пионерском, на горе, на которой он часто писал свои этюды.³³⁹

Иларион (Прохоров)

Тем же указом 16 декабря 1969 года в Пензу был назначен ахиерископ **Иларион (Николай Иванович Прохоров)**, тоже связанный с Ивановской епархией.

Родился он 9 марта 1889 года в Сумской области. В 1910 году окончил Курскую духовную семинарию, работал законоучителем, а в 1915 году стал священником. В 1938 году, как и многие священнослужители, был арестован и осужден на 5 лет заключения в концлагерь. Ссылку отбывал в Комсомольске-на-Амуре. После освобождения в 1944 году священник Н. И. Прохоров некоторое время служил настоятелем собора в г. Сумах. Овдовев, решил постричься в монашество, и в том же году, 30 сентября 1945 года, уже состоялась его хиротония во епископа Сумского и Ахтырского. 27 декабря 1951 года он был определен епископом Кировоградским и Николаевским, 17 ноября 1953 года – епископом Уфимским и Стерлитамакским, 25 февраля 1957 года возведен в сан архиепископа, 9 декабря 1959 года перемещен на Ивановскую кафедру, 29 мая 1963 года он становится архиепископом Омским и Тюменским, с 9 октября 1963 года – вновь на Уфимской кафедре, с 7 октября 1967 года – архиепископ Ростовский и Новочеркасский. В Ростове он заменил умершего архиепископа Иеронима (Захарова), бывшего недолго управляющим Пензенской епархией после смерти архиепископа Кирилла (Поспелова).

“За время своей службы в Ивановской и Уфимской епархиях он активно занимался религиозной деятельностью, зарекомендовал себя ярким защитником религии... С первых дней прибытия в г. Ростов-на-Дону Иларион начал бурную деятельность по активизации религиозной обстановки в городе и области. Архиерейские службы начал проводить с большой помпезностью и минимум два раза в неделю, не считая праздников. К службе стал привлекать заштатных священников, в том числе разоблаченных в свое время как злостных нарушителей советского законодательства о культах. В службу начал вводить всякие новшества, направленные на разжигание религиозного фанатизма, как-то: пассии, облива-

ние креста водой при Воздвижении, пение Херувимской хором по 4–5 раз и т. д. В последний период Иларион в своих проповедях часто восхвалял известного мракобеса-реакционера Ивана Кронштадтского. Кроме того, Иларион сознательно укрывал от органов власти священников, грубо нарушивших советское законодательство о религиозных культах и поучает их, как обманывать райгорисполкомы и уполномоченного Совета. В то же время сам нарушал советское законодательство о культах, выразившееся в том, что принуждал церковные советы вносить большие суммы денег на содержание епархиального управления и оказывал материальную помощь различным кликушам. Без согласования с уполномоченным Совета через Патриарха Московского и всея Руси Алексия назначил членом епархиального совета монаха Ювеналия – Тарасова Спиридона, который также фанатично настроен и систематически нарушал советское законодательство о культах, за что неоднократно снимался с регистрации, и взял его с собою в Пензу. Настроение у Илариона реакционное. Систематически слушает передачи зарубежных радиостанций и среди своего близкого окружения распространяет антисоветские и провокационные слухи. Иларион полностью разделяет реакционные идеи группы Ермогена; получая от него письма, он скрывал их от уполномоченного”. Вот такую характеристику архиепископу Илариону оставил ростовский уполномоченный, донеся до нас вызывающий уважение образ верного служителя Церкви. Вместе с этой характеристикой он также переслал в Пензу и 14 жалоб на архиерея, “характеризующие его как активного церковника, разжигающего религиозный фанатизм”.

Первая жалоба на имя уполномоченного поступила уже через два с половиной месяца после вступления архиепископа Илариона в управление Ростовской епархией. Поступила от прихожан кафедрального собора. Чем же заслужил так быстро неудовольствие своей паствы ее новый Владыка? Излишним усердием к Богу. Возможно ли такое, скажет читатель? Возможно, если учесть сидящего, быть может, в каждом из верующих церковного обывателя. Не в обиду им будет сказано (сам зачастую ловлю себя на этом), но определенный настрой на богослужении держится лишь до тех пор, пока укладывается в тот лимит, который мы отпустили сами себе. Но как только в церкви возникают какие-то “незапланированные” нами вещи, то лукавый голос начинает нашептывать разные ахи и охи: и спина-то устала, и дела-то домашние ждут, и т. п. Именно это и стало твориться с прихожанами Ростовского кафедрального собора, когда они, привыкшие к прежнему расписанию, вдруг после первых же богослужений, совершенных новым архиереем, обнаружили, что служба

увеличилась вдвое – до четырех, а то и до пяти часов. Люди занервничали, – как-никак дома ждут разные дела, стали уходить с пол-обедни, нарушая тем самым знакомое всем православным правило – грех покидать службу и негодуя на виновника своего грехопадения. Начали искать, почему не уложился Владыка в срок, где он затянул службу. И нашли. Оказывается, за упокоевание и здравие поминать стали по полчаса. А так как это читалось за “Иже херувимы”, то Херувимскую приходилось повторять соборному хору аж по 4–7 раз. И так-то ждешь только тобой записанных и с нетерпением ожидаешь, когда закончат по-

минать чужих, а тут и вообще какие-то новые имена начали выкликать, да еще, страх-то какой, – не признанного святым Московскою Патриархией Иоанна Кронштадтского, канонизированного белоэмигрантами в Америке, который породил секту иоаннитов и который имел какое-то неправильное имя – назывался по имени острова. Вот такие заявления были сделаны кем-то из прихожан уполномоченному. Но это еще не все: дальше-больше. Теперь уж стали подмечать и другие нововведения архиепископа Илариона, которых набиралось очень уж много. Нарушил Владыка привычную картину и на Воздвижение. Раньше было как: архиерей, стоя на кафедре с крестом, поднимал его и опускал под пение “Господи, помилуй” – четыре раза на четыре стороны света. Теперь крест воздвигли посреди храма и священник стал лить на него воду, а служители брали воду с пола и умывались ей. Увидя такое, бросились к кресту и верующие, в результате сделалась свалка. Кто-то подсчитал, что “Господи, помилуй” пропели 160 раз. Накануне праздника Преосвященный вместо проповеди прочитал стихотворение, но зато в сам праздник явно перестарался – своим громовым голосом такую сказал проповедь, что все вокруг рыдали.

Проповеди архиепископа Илариона производили на верующих потрясающее впечатление, значение их в пробуждении дремавшего в людях чувства покаяния было огромным. Это тоже кому-то вскоре надоело, и он отправил уполномоченному жалобу, измарав в ней 80-летнего архипастыря как только мог.

Во время архиерейских богослужений Владыка окружил себя большой свитой, что вначале всем понравилось – службы стали очень торжественными, праздничными. Но когда праздник следует за праздником, это уже становится привычным. Если бы еще архиепископ время от времени отдыхал, поручая священникам самим служить в соборе. Но он сам стал совершать богослужения и во все воскресные дни, и во все малые праздники, и тем более в большие, – 130 раз в году. Прихожане зароптали: “Архиерейское богослужение потеряло свое величие и красоту”. И даже нашли этому подтверждение: в свите углядели заштатных священников – пенсионеров, калек, которые своим видом портили впечатление от этих служб.

Жалобы на архиепископа посыпались как из рога изобилия: уполномоченному, председателю Совета Куроедову, Патриарху – от прихожан собора, “двадцатки”, церковного совета, протоиерея, анонимные. За всеми ими проглядывала чья-то рука: одни и те же обвинения, вложенные в разные уста. К ним присоединились и хористы, прося заступничества уполномоченного от эксплуатации Преосвященного: он заставлял их петь такие службы, которые они и в глаза-то никогда не видели и слухом не слыхивали – Сергию Радонежскому, святым мученицам Вере, Надежде, Любви, евангелисту Иоанну Богослову, не говоря уж о лишних Херувимских, чем сильно утомлял и поющих, и молящихся. Владыка, правда, прошелся на их счет: “Это говорят и просят безбожники и лентяи, которые ходят в храм за деньги, таких надо убирать вон и сокращать зарплату и это я сделаю”. Тогда поднялись голоса, что архиерей вообще хочет разрушить хор.

Дело шло явно на выживание архиепископа Илариона из Ростова. Решили подключить сюда еще и интеллигенцию, которая тоже обрушилась на него, со своих, конечно, идейных позиций: “Мы, представители советской интеллигенции, с начала текущего года наблюдаем в кругу близких нам пожилых людей активизацию сохраняемых еще ими их религиозных убеждений. Сперва мы относили эту активизацию к ежегодно бываемым периодам усиленных молений в Православной церкви: пост, Пасха, Троица, Петров день и прочие религиозные воспоминания и праздники. Позже мы убедились, что эта активизация среди верующих имеет

другие причины, и в данном случае этой причиной является деятельность ростовского архиепископа Илариона с конца 1967 года состоящего в должности духовного руководителя верующих Ростовской области. Вся деятельность этого глубокого старца направлена на разжигание религиозного психоза у советских людей, еще не отшедших от религии; именно для этого архиепископ Иларион в посту, весной 1968 года, ввел обязательное служение в храмах Ростовской области так называемых пассий с обязательным произношением духовенством речей в защиту религии; только поэтому архиепископ Иларион очень подолгу служит в соборе и произносит длинные поучения, доказывая правоту христианской доктрины. Архиепископ Иларион, маскируясь просьбами приходских организаций, упорно добивается выездов в периферийные церкви для служения и, конечно, для своих агитационных выступлений. Архиепископ Иларион пользуется всяким незначительным случаем, чтобы создать приток населения в собор и провести мероприятия по привлечению их к религии. Даже из такого субъективного события, как смерть священника Ямпольского, архиепископ Иларион 8 октября с. г. сумел создать в Ростовском соборе шумную агитационную затею: полный собор заранее оповещенного народа, масса духовенства, прибывший на похороны архиепископ Иов (Кресович; сменивший его на Уфимской кафедре. – А. Д.), два хора, двухчасовое служение погребения и соответствующее агитационное выступление словоохотливого архиепископа Илариона. Мы полагаем, что меры искусственного удерживания религиозных убеждений среди населения не смогут быть безразличны для советского общества и мы считаем своим долгом обратить Ваше внимание на деятельность архиепископа Илариона и избавить от этой ненужной и вредной деятельности население Ростовской области”. Письмо было адресовано в Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Оно без даты и без подписей. Была ли послана в Совет эта фальшивка, состряпанная уполномоченным Ростовской области В. Политико, – неизвестно. То, что это фальшивка – не вызывает никакого сомнения: тут слишком большая осведомленность в вопросах, которые перед интеллигенцией просто не могут возникнуть (ну кто из них, не ходящих в храм, может в подробностях знать, что там происходило или что такое, к примеру, пассия?). Тем не менее он и ее переслал пензенскому уполномоченному С. С. Попову со всем прочим материалом.

Письменная атака, по-видимому, возымела действие – в декабре 1969 года состоялось перемещение архиепископа Илариона в Пензенскую епархию. Здесь он пробыл совсем немного – 25 июня 1970 года был отправ-

лен на покой и на следующий же день убыл из Пензы, где к его личному делу подкололи и анонимку, вульгарно написанную кем-то всего лишь через два месяца после его приезда в Пензу, и, увы, докладную когда-то очень близкого ему человека.

В это время архиепископу Илариону шел уже 82-й год. Благодаря “дружеской” услуге этот на удивление не по возрасту деятельный человек обрел наконец себе покой, который продолжался совсем недолго – 27 января 1973 года Преосвященный отошел в Вечность, препоручив душу Господу, ревностным служителем Которого он был всю свою жизнь.³⁴⁰

* * *

Дальнейший период истории Пензенской епархии пока не нашел в работе автора документального насыщения. Изучение последнего 30-летия существования Пензенской церкви требует неторопливого подхода, поскольку относится уже к событиям недавнего прошлого, современником которого является и сам автор. Для уяснения жизни епархии в этот период, возможно, следует опросить и духовенство. Однако необходимость говорить о ныне здравствующих – задача неблагодарная. У большинства людей обычно существует завышенная оценка собственной персоны. Они, как правило, более высокого мнения о себе, чем есть на самом деле, но, во всяком случае, гораздо лучше того, что о них думают другие. Поэтому быть третьей стороной поступающих о них и от них сведений – задача очень непростая. Да, может быть, и не нужная: действительный интерес представляет лишь то, что связывает нас с историей, а не то, что разделяет с настоящим. Примиряет же с современностью каждого свое.

1970-е – начало 1980-х годов вошли в историю как период застоя. Был ли он в Церкви – не мне судить. Воцерковление мое состоялось гораздо позже, и ощутить застойных явлений там мне не довелось. Сейчас, накануне 200-летия своего существования и 2000-летия прихода в мир Христа Спасителя, жизнь Пензенской епархии полна кипучей деятельности, как разгоревшийся от ветра огонь. Но для того, чтобы он вспыхнул, он не должен был угаснуть. И это постоянное горение Христовой веры на Пензенской земле – заслуга ее святителей, которые передают друг другу непогасимый факел веры, окормляя и вдохновляя свою паству на трудное восхождение по пути к Богу. Помнить о них – наша обязанность. Но вспоминая уже почивших архиереев по завету апостола Павла: “Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их” (Евр. 13, 7), мы должны помнить и о ныне живущих, вознося молитвы за их здравие.

Мелхиседек (Лебедев)

25 июня 1970 года на Пензенскую кафедру был назначен епископ Мелхиседек (в миру Василий Михайлович Лебедев). Родился он 26 января 1927 года в д. Ново-Черкасово Шатурского района Московской области. В 1944 году закончил школу ФЗО в г. Рошаль того же района и стал работать слесарем. В 1946 году поступил в Московскую духовную семинарию. После ее окончания в 1950 году назначен настоятелем Преображенской церкви с. Бесово Каширского района Московской области, но в том же году был переведен в с. Туголес Шатурского района, а еще через пять лет – в с. Молоди Подольского района. В 1961 году священник В. М. Лебедев стал благочинным церковью Орехово-Зуевского округа Московской епархии, был возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем Богородицеорождественской церкви в г. Орехово-Зуево.

В 1962 году поступил в Московскую духовную академию, принял монашество и был направлен на послушание в Троицкое Патриаршее подворье в Переделкино. После третьего курса академии в 1965 году возведен в сан архимандрита и через два дня, 17 июня, хиротонисан во епископа Вологодского и Великоустюжского. Окончив экстерном академию, в 1967 году получил степень кандидата богословия за курсовое сочинение “Второй Ватиканский Собор (историко-критический обзор)”.

7 октября 1967 года определен во епископа Венского и Австрийского, а 25 июня 1970 года был назначен на Пензенскую кафедру. Ровно через месяц прибыл в Пензу, где ему предстояло находиться более восьми лет. 9 сентября 1976 года епископ Пензенский и Саранский Мелхиседек был возведен в сан архиепископа.

Через год пребывания его в Пензе местный уполномоченный представил на епископа Мелхиседека характеристику в Совет по делам религий, в которой отмечалось следующее: “Находясь в Пензе, епископ Мелхиседек показал себя довольно энергичным, но в то же время вдумчивым и осмотрительным в своих действиях архиереем. Он

часто разъезжал по приходам, принимая меры к пополнению и укреплению кадров духовенства в епархии. Во взаимоотношениях с духовенством и верующими ведет себя доступно и просто, чем быстро приобрел популярность у верующих. По церковной линии пользуется поддержкой Ленинградского митрополита Никодима [Ротова]. Однако в беседах воздерживается от каких-либо суждений о нем. В период подготовки и проведения Поместного Собора также публично уклонялся от каких-либо высказываний по кандидатуре на пост Патриарха. В настоящее время с епископом Мелхиседеком удалось установить деловые и нормальные взаимоотношения. Он не стремился раздувать и обострять возникающие разногласия при рассмотрении церковных вопросов, в результате чего удавалось находить их правильное разрешение.

Руководя епархией, он безусловно в какой-то мере стремился активизировать и укрепить деятельность общин и духовенства, но эта его религиозная деятельность протекала, в основном, в рамках, установленных законом. Никаких материалов, свидетельствующих о его неуважительном отношении к законам о культах и стремлении их не исполнять, не имеется. По отношению к государству занимает лояльные позиции”.

30 июля 1976 году епископ Мелхиседек был награжден почетной грамотой “Советского Фонда мира” за большой вклад церковью области в Фонд мира: за 1970–1974 годы на эти цели епархией было перечислено 1 524 000 рублей и за 11 месяцев 1975 года еще 311 200 рублей. В Фонд восстановления памятников за то же время было внесено 496 300 тысяч рублей.

10 октября 1978 года архиепископ Мелхиседек Святейшим Патриархом Пименом и священным Синодом был назначен архиепископом Берлинским и Среднеевропейским, экзархом Средней Европы. 26 декабря 1984 года он был определен во архиепископа Свердловского и Курганского, а 28 февраля 1994 года – в Брянского и Севского.³⁴¹

